

JOHN
RUSKIN

Unto this last:
four essays on the first
principles
of political economy

ДЖОН РЁСКИН

Последнему, что и первому:
Четыре очерка основных
принципов
политической экономии

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 7.0

ББК 87.8

Р43

*Перевод с английского А. П. Никифорова
Вступительная статья А. В. Маркова*

Рёскин, Джон

Р43 Последнему, что и первому. Четыре очерка основных принципов политической экономии / Д. Рёскин ; [пер. с англ. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 154 с. — (Авторская серия Джона Рёскина).

ISBN 978-5-519-64153-1

«Последнему, что и первому» Джона Рёскина — оригинальная программа гуманизации экономики и обогащения ее законами искусств. Рёскин предлагает рассматривать экономику как область индивидуального вдохновения и честного артистизма. Труд Рёскина поможет как разобраться в «креативной экономике», так и лучше понять социальные задачи искусства. Новое издание трактата Рёскина дополнено предисловием профессора РГГУ и ВлГУ Александра Маркова.

УДК 7.0

ББК 87.8

© Марков А. В.,
вступительная статья, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64153-1

ВЫГОДА И СИМПАТИЯ

Политическая экономия — одна из наук, которые мы вспоминаем, когда говорим о росте знания в Англии. Над политической экономией можно было смеяться, что она не всегда прямо двигает хозяйство вперед, можно было сетовать на слишком широкие обобщения, но не признавать в ней особого выражения английского духа было нельзя. Этот дух — в освобождении экономики от привычного порядка хозяйствования, когда выяснялось, что политическая авантюра, торговая, колониальная, правовая или банковская, значима для экономики гораздо больше, чем бытовая бережливость. Одной бытовой рациональности недостаточно для экономической рациональности.

Но на самом деле у колыбели этой науки стояла также Франция. Драматург Антуан Монкретьен де Ваттевиль, написавший трагедию «Софonisба» за 70 лет до Корнеля, а трагедию «Мария Стюарт» за 200 лет до Шиллера и через 13 лет после описанных в ней событий, в 1605 г. был вынужден бежать из страны: прославленный деятель французской сцены убил на дуэли человека. В Англии деятеля пера и театра радушно принял Иаков I Стюарт, высокий ценитель трагедии, защитившей достоинство его родной матери, и сразу назначил ему при дворе содержание. Но писатель надеялся снискать прощение французской короны и для этого в 1615 г. написал «Трактат о политической экономии», посвятив его супруге короля Генриха IV Бур-

бона Марии Медичи. Иаков I не раз обращался к венценосному французскому государю с просьбой помиловать служителя муз; но бывают случаи, когда необычный трактат спорит своей весомостью с золотым королевским словом. Прощение писатель получил, с условием написать историю Нормандии. Яростный гугенот, он погиб в бою — но это уже совсем другая история.

«Трактат о политической экономии» Монкретьена стоит особняком в его наследии — созданный как изысканное прошение о помиловании, он опирался на труды Жана Бодена, считавшего, что для процветания французской монархии нужно всех превратить в хозяев, сделав незыблемым право частной собственности. Боден не верил Аристотелю, утверждавшему, что цель политики — счастье людей: единственной целью политики французский ученый полагал равенство возможностей, иначе говоря, равенство экономических прав. Каждый должен мочь открыть свое дело, распорядиться своим домом и участком — и тогда люди перестанут воевать и бунтовать, а монарх сможет, как представитель непрерывной традиции решения конфликтов, запустить наилучшим образом механизмы такого большого хозяйства, состоящего из множества хозяйств.

Труд Монкретьена точно так же представлял собой подробное описание единого хозяйства страны, состоящего из множества частных предприятий. В этой книге давались советы предпринимателям, как они могут стать богаче, если они будут знать общие законы, по которым работает механизм такого хозяйства. Но были в нем советы и королю:

если богатство народа строится на успехах внешней торговли, и прежде всего экспорта, то необходимо поощрять экспорт — для этого Монкретьен предлагал изгнать из Франции всех иностранцев, отправляющих доходы в собственные страны, и ввести монополию государства на любой экспорт. Государство за эту монополию может забирать у предпринимателей любую часть их прибыли, лишь бы не разорить их, а предприниматели, в свою очередь, могут сколь угодно наращивать производство — чтобы обогатиться, даже если государство решит у них забрать большую часть прибыли.

Монкретьен первым высказал тезис, который потом подхватили Адам Смит и другие великие политические экономисты: именно, что естественный продукт важнее для государства, чем золото. «Не нужно золота ему, когда простой продукт имеет» — для Франции это были хлеб, соль и вино, для Англии — шерсть. Золото — всего лишь честь королей, украшение торжественных ритуалов, безделка государства-левиафана; если левиафан, конечно, может надеть серьги и колье. А вещи, необходимые для жизни, производятся всяkim предпринимателем, и из них и выстроен крепчайший дом экономики страны: в единстве стандарта предпринимательской деятельности, в общих правилах хозяйствования, снабжения и востребованной взаимной поддержки.

Нам уже понятно выражение «политическая экономия»: экономика всего государства противопоставляется ведению домашнего хозяйства. Если обычный хозяин дол-

жен выучить только правила поддержания и умножения производства, то государство — правила, при которых производство товаров становится самым необходимым в его существовании, в осуществлении самых прочных и далеко идущих задач.

В основу современной политической экономии легла философия Адама Смита и Иммануила Канта, хотя великий кенигсбергский философ, в отличие от шотландского коллеги, себя экономистом не называл. Главным вопросом здесь стало отношение нравственных чувств и нравственной истины: что первично. И Смит, и Кант отдали предпочтение истине: даже если чувства со всей силой требуют от нас солгать, например, во благо друга, лгать нельзя. Ведь, оказав таким образом частную услугу, мы разрушим то доверие, на котором только и строится нравственное отношение. На доверии к честности строится и политическая экономия: в известном примере Адама Смита булочник может испытывать любые чувства, когда стоит у печи, может желать всяческого добра своим клиентам или устало ворчать, но важно честное и прямое действие «невидимой руки», которая и заставляет всех участвовать в производстве, как самое благородное требование всеобщего блага. Обмен с целью не умереть с голоду оказывается лишь частью истинного устройства экономики как наиболее разумных гражданских отношений, направленных на общий прогресс.

Этих философов часто брали за недооценку роли чувств в жизни общества: так, Шиллер написал едкую эпи-

грамму против Канта: ее персонаж сомневается, нравственно ли он поступает, когда делает добро с удовольствием, и голос совести требует совершать добро с чувственным отвращением, но под властью всеобщего требования «долга». Романтики, для которых важно, чтобы в поэзии были именно их чувства и ощущения, чтобы поэзия созидала именно их самосознание (поэзия была для них таким же созиданием завершенной личности, раскрытием истинной человеческой формы в человеке, как для Платона — эрос, а для многих наших современников — травма), с недоверием относились к общему началу политico-экономической жизни. Но вовсе не в том дело, что на человека «долг» должен как-то давить частным образом, мешая ему чувствовать по-настоящему, но в том, что лишь общая работа в экономике, общее ведение хозяйства, не сводящееся к сумме частных интересов, и есть реализация политического блага.

При этом первая кафедра политической экономии появилась только в 1805 г., но не в каком-либо из университетов, а в Колледже Ост-Индской компании. Ее занял священник этого колледжа Томас Мальтус, эрудированный, скромный, трудолюбивый. Мальтус вскоре создал и Клуб политической экономии. Имя Мальтус сразу вызывает у нас в памяти слово «перенаселение», тезис «население растет в геометрической прогрессии, а ресурсы — в арифметической». Мальтусу приписывается чуть ли не мечта о чуме, которая истребит большую часть человечества, или, во всяком случае, мечта о регулировании рождаемости. Но

на самом деле Мальтус имел в виду другое: каждый человек ведет себя не просто как хозяин, но как инвестор — он вкладывается в будущее, рождая детей. При этом дом он построит один, а детей родит нескольких: вот и перенаселение. Мальтус считал, что нужно принудить людей больше заниматься хозяйством, тогда они станут умереннее в размножении: все силы будут уходить на выполнение качественной работы. Иначе все равно рост населения будет прерван голодом — плохо организованные хозяйства не сумеют снабдить всю страну необходимым количеством продуктов.

Сам Мальтус выступал в поддержку «хлебных законов», запрещавших ввоз в Англию дешевого французского зерна, — эти законы позволили британским арендаторам земли не просто расплатиться с долгами, но и ввести технические усовершенствования на своих участках. Единственное, в чем он просчитался, — что Наполеону такие действия не понравятся, он начнет континентальную блокаду Англии, а множество лондонских бедняков станут нищими, так как не смогут не только купить дешевое зерно, но и дешевые товары. Рёскин избежал всех ошибок Мальтуса и написал свою версию политической экономии.

Книга Джона Рёскина «Последнему, что и первому» (Unto this last, 1860) сразу же подкупает своей социальной направленностью: Рёскин требует помогать старикам и инвалидам, изобретать ремесла, которые может освоить каждый, поощрять даже малые созидательные усилия. Главная мысль книги одна — всеобщая занятость возможна. Не